

Е. Ю. Талалаева

(ТГУ имени Г. Р. Державина, Тамбов)

ОБОСНОВАНИЕ НЕПЕРЕВОДИМОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ

В данном исследовании проводится философско-герменевтический анализ проблемы перевода поэтического текста. Автор предлагает конструктивную аргументацию непереводимости поэзии на другие языки, в основу которой заложена система философских взглядов немецкого мыслителя Ханса-Георга Гадамера. Особый акцент ставится на «герметичности» поэтического языка, позволяющей сохранять смысловое единство оригинального текста, а также поддерживать уникальный баланс звучания и формы стихотворного произведения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-33-01099-ОГН «Онтологический анализ поэзии в герменевтической философии мыслителей XX в.»

Вопрос о возможности полноценного перевода одного языка на другой в современном научном мире по-прежнему не теряет своей актуальности. Согласно мнению одного из ведущих мировых специалистов по переводоведению – американского переводчика Лоуренса Вентути, перевод как творческая интерпретация представляет собой ключевую гуманистическую задачу не только благодаря его способности вдохнуть новую жизнь в литературное произведение, но и за счёт появления значительного разнообразия форм и значений исходного текста [1, с. 1]. С одной стороны, такой подход позволяет существенно обогатить язык, однако, с другой стороны, это создаёт для переводчиков трудновыполнимую задачу адекватной передачи оригинальной идеи, изначально вложенной в текст его автором. Как заметил выдающийся философ XX века и основатель философской герменевтики Ханс-Георг Гадамер: «Настоящее бедствие перевода в том, что единство замысла, заключенное в предложении, невозможно передать путем простой замены его членов соответствующими членами предложения другого языка, и переведенные книги представляют собой обычно настоящие чудовища, это набор букв, из которых вынули дух» [2, с. 59]. Немецкий мыслитель отстаивал мнение, согласно которому присущие языку уникальные черты блекнут и исчезают в процессе перевода. Слова в тексте имеют между собой прочную обоюдную взаимосвязь: одно слово способно пробудить смысл другого, вплетая его в единый речевой поток. Даже виртуозно переведённое предложение с одного языка на другой в конечном итоге предстаёт как «карта в сравнении с ландшафтом» [2, с. 59]. Несмотря на то, что общий контекст может придать слову определённое значение, соответствующее его употреблению в единой структуре текста, это вовсе не исключает изначальной многозначности, присущей данному слову. Наиболее очевидно проблема непереводимости языка проявляется в поэзии, где взаимосвязь слова с контекстом приобретает жесткую и принципиальную форму.

Согласно философско-герменевтическому подходу Гадамера, поэзия онтологически отличается от повседневной речи. Если слово обыденного языка обретает свое конкретное смысловое наполнение преимущественно в контексте некой ситуации, то поэтическое слово имеет устойчивый смысл вне какого-либо контекста. Интерпретационные возможности в отношении обыденного текста имеют довольно широкий горизонт, однако повседневная речь зачастую утрачивает со временем собственную ценность и значение слов. Подобно тому, как французский поэт Поль Валери приравнивал

обыденное слово к денежной банкноте, не обладающей самостоятельной ценностью и лишь отсылающей к другим вещам [3, с. 316], повседневные высказывания являются не более чем «переходным моментом к содержанию сказанного» [2, с. 117]. Совершенно иная ситуация складывается, когда мы начинаем рассматривать поэтическое слово. Сопоставив обыденный язык с бумажным денежным обращением, Валери иносказательно отвёл поэтическому слову роль золотой монеты, которая действительно обладает той ценностью, которую она призвана символизировать. Ответом на вопрос об основании столь явного существенного различия между двумя формами языка может служить введённое Гадамером в научный оборот понятие о *герметичности* поэтического языка.

Поэзия наиболее приближена к идеальному образу языка, так как слово поэтического текста является «замкнутым» на себя, т. е. оно не открыто для вольной интерпретации вне основного контекста стихотворного произведения. Кроме того, смысловое содержание поэзии находится в неразрывной связи со звучанием его языкового выражения. Предельной формой языка немецкий философ считал *лирическое стихотворение* именно потому, что оно наиболее отчётливо отображает в себе неразрывность между *материальностью* (т. е. формой и звучанием слова) и смыслом. *Герметичность* такого текста, делающая его непрозрачным для повседневной речи, является залогом смыслового единства стихотворного произведения, защищая целостность и неизменность изначального замысла. Особое место при этом мы по праву можем отвести *музыкальности* языка. Чем ближе поэтическое слово расположено к идеальному языковому образу, тем более высоким уровнем музыкальности оно будет наделено. Именно музыкальность поэзии создаёт уникальное равновесие между звучанием языка и выражением его смысла. Гадамер особо подчёркивал, что: «поэтическая конструкция строится как постоянно обыгрываемое равновесие звучания и смысла» [2, с. 120]. Следовательно, конструкция поэтических предложений предполагает гармоничную взаимосвязь всех её отдельных элементов, которые в совокупности должны представить язык в его чистой форме. Возможно, именно поэтому знаменитый немецкий поэт Фридрих Гёльдерлин высказался о поэзии как об «опаснейшем из всех благ» [4, с. 10], учитывая тот груз ответственности, который на себя добровольно принимает поэт. Рассуждения о поэзии как о чистом языке выводят проблему непереводимости поэтического текста на принципиально новый уровень.

Обозначенное выше единство звучания (музыкальности) поэтического текста и его смысла глубоко коренится в том языке, на котором его создавал автор. Возможно ли при этом перенести стихотворное произведение на почву другого языка без нанесения очевидного урона его смысловой целостности и музыкальной гармонии? Если мы принимаем во внимание тот факт, что завершённое стихотворение представляет собой неразрывное переплетение звука и значения всех слов, то легко представить, как даже самое минимальное внесённое в текст изменение может повлечь за собой разрушение сложившейся системы. Таким образом, мы приходим к заключению о невозможности замены одного языка на другой в отношении стихотворного произведения. Даже при условии адекватной передачи смысла слов неминуемо будет причинён явный ущерб поэтичности текста, составляющей единое целое со смысловым контентом. Такой подход, с точки зрения философской науки, показывает несостоятельность «идеи субстанции» в отношении поэтического текста, заключающейся в возможности замещения одного высказывания другим. По этому поводу Гадамер выразил мнение, что: «замещаемость, на мой взгляд, противоречит индивидуализирующей стороне языкового события вообще» [2, с. 64]. Здесь следует прояснить два момента. Прежде всего, в рамках герменевтической философии любое языковое проявление представляет собой свершение герменевтического опыта, тогда как лирическое стихотворение считается предельной формой этого опыта. Кроме того, приравнивая поэзию к идеальному (чистому) языку, Гадамер отстаивает положение о его индивидуализации, представляющую собой непреложную оригинальность поэтического произведения. Таким образом, вследствие замещения одного языкового выражения другим в едином текстуальном пространстве происходит нарушение уникальной динамичной взаимосвязи слов, формирующих звуковой и смысловой баланс поэтического языка. Именно этот баланс позволяет говорить о поэзии, как о «языке в изначальном смысле» [5, с. 106].

Постепенно все наши рассуждения сводятся к мысли о непереводемости поэзии как таковой. Однако специфика данного исследования обозначена границами философской герменевтики. Справедливо возникает вопрос, как герменевтика, изначально подразумевающая под собой определённое сопоставление двух языков и нахождения равных эквивалентов перевода лингвистических

значений в рамках разных языковых систем, ставит перед исследователем неразрешимость проблемы перевода. Чтобы несколько прояснить сложившуюся ситуацию, следует отметить, что в основе процесса перевода заложен феномен *понимания*. Понимание в контексте философской герменевтики заложено в качестве предварительного условия для переводческого акта. Только когда переводчик чётко уясняет смысл, заложенный в подлежащий переводу текст, он обретает способность заново выстроить его, но уже в среде другого языка. В этом случае мы можем констатировать, что «чужое и собственное сливаются в новом облике» [2, с. 71]. И если стихотворение сохраняет возможность в общих чертах оставить своей прежний смысл, то его форма и звучание неминуемо обретут иной вид. Изначально находясь в сопряжении с определённой мироконструкцией, поэтическое произведение в той или иной мере утрачивает свои прежние черты, но приобретает взамен новые. Следовательно, происходит не замещение в поэтическом тексте отдельных выражений, но замена всего произведения в целом.

Исходя из проведённого анализа вопроса о переводе поэтического текста на другой язык, мы приходим к выводу о принципиальной непереводимости поэзии. Уникальность поэзии заключается в тесном переплетении звучания и формы стихотворного произведения, что делает его герметичным, т. е. непроницаемым для истолкования с позиции обыденного языка и сохраняющим смысловое единство текста вне времени и ситуации его использования.

Список использованной литературы

1. Untranslatability Goes Global / Eds. S.J. Levine, K. Lateef-Jan. – London: Taylor & Francis, 2017. – 174 p.
2. Гадамер, Х.-Г. Актуальность прекрасного / пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – С. 59–125.
3. Валери, П. Вопросы поэзии // Об искусстве / П. Валери. – М.: Искусство, 1993. – С. 299–316.
4. Хайдеггер, М. О поэтах и поэзии: Гёльдерлин. Рильке. Трагль / М. Хайдеггер. – М.: Водолей, 2017. – 240 с.
5. Gadamer, H.-G. On the Contribution of Poetry to the Search for Truth/ H.-G. Gadamer // The Relevance of the Beautiful and Other Essays. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – P. 105–115.